

Человеческое существование характеризуется тем, что человек одинок и отделен от мира; но, не будучи в состоянии вынести изоляцию, он вынужден искать связи и объединения с другими людьми. Есть множество способов для реализации этой потребности, но только один из них позволяет человеку сохранить при этом свою целостность и уникальность, только один, при котором его силы полностью раскрываются во взаимоотношениях с другими людьми. Парадокс человеческого существования состоит в том, что человек в одно и то же время ищет и близости, и независимости, единения с другими и сохранения своей особенности и уникальности.

Эрих Фромм

Предателей презирают даже те, кому они сослужили свою службу.

Тацит

За два месяца до начала событий.
Пригород Лондона

Оба автомобиля подъехали почти одновременно. Из синего «БМВ» вышел мужчина лет семи-десяти. У него были редкие седые волосы, крупные черты лица. Он был одет в клубный синий пиджак, голубую сорочку без галстука и серые брюки. На ногах были темно-синие мокасины. Он был похож на одного из тех английских пенсионеров, которые наслаждаются жизнью и социаль-

ными льготами Великобритании, оставаясь активными членами общества.

Из черного «Мерседеса» вышел совсем другой человек. Ему было гораздо меньше лет, не больше шестидесяти. Среднего роста, почти лысый, с живыми бегающими глазами, подвижным лицом, вкрадчивыми движениями. Одетый в серый костюм и белую сорочку. Он смешно втягивал голову при разговоре, и казалось, что у него совсем нет шеи. Внимательный наблюдатель мог бы отметить, что этот господин редко садится за руль своей машины.

Очевидно, оба были знакомы достаточно давно. И они условились встретиться именно здесь. В пятидесяти километрах от центра Лондона, рядом с небольшим густым парком, которых было так много в этом районе. Сойдясь, они пожали друг другу руки.

— Добрый день, господин Бультман, — скороговоркой произнес второй приехавший. — Я очень рад, что мы наконец смогли увидеться.

По-английски он говорил с сильным акцентом, но достаточно неплохо. Его собеседник благосклонно кивнул:

— Здравствуйте, мистер Жуковский. Вы же знаете, как трудно бывает выбраться из города.

— Я вас понимаю, — сразу согласился Жуковский. Он оглянулся по сторонам. — Здесь достаточно тихо.

— Здесь всегда тихо, — сказал Бультман. — Я иногда позволяю себе сюда приезжать. Мы можем пройти немного дальше, и тогда нас вообще никто не увидит за деревьями.

— Конечно, — кивнул Жуковский, направляясь в сторону, указанную его собеседником, и озабоченно осведомился: — А вы считаете, что нас могут увидеть даже здесь?

— Мы ничего не можем гарантировать, — пояснил Бультман, — достаточно какому-нибудь ретивому журналисту появиться у наших автомобилей, как мне потом будет очень трудно доказать, что я случайно оказался здесь рядом с вами. Согласитесь, что наша совместная встреча — это материал на хорошую сенсацию. Опальный российский олигарх и консультант английских спецслужб, даже находящийся на пенсии. Я думаю, что подобную встречу не нужно афишировать ни вам, ни мне. И соответственно ни вашим друзьям, ни моим.

— Я вас понимаю, — вздохнул Жуковский, — но иногда мне кажется, что вы и ваши коллеги слишком пассивно реагируете на угрозы со стороны Кремля.

— Мы работаем в рамках нашего законодательства, — возразил Бультман. — По нашим сведениям, их спецслужбы уже достаточно активно действуют в Европе, в том числе и в Великобритании. Вы знаете, какое количество ваших бывших соотечественников поселилось в нашей стране? Счет идет уже на сотни тысяч. И мы совсем не уверены, что среди них нет людей, которые могут представлять интерес для моих нынешних коллег. Что касается нашей встречи, то ее вообще легко просчитать. Достаточно посмотреть, как вы припарковали свой автомобиль. Вы ведь не так часто садитесь за руль? А раз вы решились на такой «подвиг», то совершенно очевидно, что у вас была важная встреча, которую вы не могли доверить даже своему водителю. Наблюдательный сотрудник, прикрепленный к вам, сразу бы понял, куда и зачем вы едете. И постарался бы вас вычислить.

— У меня своя служба безопасности, — улыбнулся Жуковский, — и свои способы конспирации. Поэтому мы выехали с водителем вместе, а уже затем, в подземном гараже, я пересел в другой автомобиль. А он будет еще часа два ездить по Лондону. И возможный наблюдатель будет видеть мою фигуру, находящуюся на заднем сиденье.

— Неплохо, — сказал Бультман, — но учтите, что это трюк на один раз. В следующий раз вы их уже не обманете. Я думаю, вы не питаете иллюзий, что русские решили оставить вас в покое. Они уже дважды присылали нам представление на вашу экстрадицию в Россию. И пока мы еще можем им отказывать, вы находитесь в безопасности. Но так не будет продолжаться вечно. Рано или поздно все может измениться. Вы же знаете, что наш премьер-министр готов объявить о своей отставке. А тот, кто придет на его место, отличается гораздо более радикальными взглядами, в том числе и на проблемы иммигрантов в нашей стране. Леворадикальными, мистер Жуковский, мы обязаны учитывать и этот фактор.

— Неужели все настолько плохо?

— Пока нет. Но может получиться так, что мы попросим вас покинуть пределы нашей страны.

— Надеюсь, что вы заранее меня предупредите. Иначе будет обидно попасть в застенки КГБ, — усмехнулся Жуковский.

— КГБ уже давно нет, — напомнил Бультман, — и вы это прекрасно знаете. Но вместо одного большого монстра появилось несколько молодых и соперничающих друг с другом спецслужб. И у каждого руководителя свои амбиции и свои ам-

бициозные планы. Каждый из них мечтает «отличиться». И, судя по всему, они не испытывают недостатка ни в кадрах, ни в финансовой поддержке со стороны государства.

— Вот видите, — остановился Жуковский, — вы фактически подтверждаете все мои прежние заявления. Я столько раз говорил вам о конкретных угрозах со стороны нынешних владельцев Кремля. А вы все время считали, что с ними можно иметь дело.

— Мы реалисты, господин Жуковский, — мягко возразил Бультман, — и мы имеем дело с теми политиками, которые представляют реальную силу. И с которыми мы вынуждены садиться за стол переговоров.

— Никаких переговоров, — резко оборвал его Жуковский, — вы же знаете, что там происходит! Убийства политических оппонентов и журналистов, полная деградация общества, устранение оппозиционных газет и журналов, расправа с негодными, энергетический шантаж. Какие еще нужны доказательства авторитарности режима? Неужели вы ничего не понимаете?

— Мы все видим, — согласился Бультман. — Давайте не будем стоять на месте. Так легче прослушать нашу беседу, если кто-то решит узнать, о чем именно мы говорим.

Они двинулись дальше.

— Насколько я понимаю, ситуацию в России вы больше не контролируете, — почти весело заявил Бультман, — а ведь совсем недавно вы были для России своеобразным графом Уориком, «делателем королей», как его называли в пятнадцатом веке. Ведь это вы помогли удержаться прежнему президенту в девяносто шестом, профинансировав его избирательную кампанию.

— Я боролся за демократию в своей стране, — гордо и с пафосом заявил Жуковский.

— И все, кто «боролся» вместе с вами, заняли первые места в списках «Форбса», — добродушно напомнил Бультман, — и ваш бывший ученик, ныне главный миллиардер в нашей стране. Или вы думаете, что у нас забыли, каким образом вы все стали олигархами? А если даже мы попытаемся забыть, нам сразу об этом напомнят. Через несколько лет именно вы помогли нынешнему президенту занять его место, сделав все, чтобы он победил на выборах. Ваши журналисты, ваши газеты и ваши телевизионные каналы просто размазали оппозицию в лице мэра Москвы и бывшего премьера, лишив их всяческих шансов на успех. Говорят, что одного из ваших журналистов, который выступал на Первом канале, вы купили за

миллион долларов. Его до сих пор называют «телекиллером». Ваш вклад в «демократизацию» вашей страны можно считать неоценимым.

— Не нужно об этом говорить, — нахмурился Жуковский, — это были мои очевидные ошибки. Но теперь я абсолютно искренне считаю, что режим в России должен смениться. И сделать это можно только объединенными усилиями.

— Все не так просто, как вам кажется. Сейчас не девяносто шестой и даже не девяносто девятый год. Сегодня Россия все увереннее заявляет о себе на международной арене. По золотовалютным запасам она уже третья в мире. И не забывайте, что от поставок российского газа и нефти зависит добрая половина Европы. А бывший канцлер Германии даже согласился возглавить их новый консорциум. Очень многие проекты крупных европейских компаний так или иначе связаны с Москвой. Все это вынуждает нас действовать с некоторой осторожностью.

— Вас погубит европейская толерантность и мягкотелость, — сразу заявил Жуковский, — вы не понимаете, какую угрозу европейским странам представляет нынешний режим в Москве. Он становится все более авторитарным и непредсказуемым.

— Именно поэтому я и решил встретиться с вами, — кивнул Бультман. — Дело в том, что у Москвы появились новые финансовые и экономические возможности, которых раньше не было. Появились новые лица в эшелонах высшей власти. И начали проявляться тенденции, которые стали беспокоить моих коллег.

— Вы говорите об убийстве журналистки Рудковской? — почти обрадовался опальный олигарх. — Ее, безусловно, убрали по прямому приказу из Кремля.

— У нас несколько другие сведения, — поморщился Бультман, — там действовали совсем другие люди.

— Это самое настоящее политическое убийство, — нервно произнес Жуковский, — неужели вы не понимаете, что это устранение оппозиционной журналистки, которая боролась за демократию и права человека в России?

— Она была гражданкой США? — спросил Бультман.

Жуковский озадаченно взглянул на него, не понимая, что именно хочет сказать своим вопросом Бультман. Или это было утверждение?

— Она была настоящим патриотом России, — патетически воскликнул Жуковский, — и останется в нашей памяти как пример несгибаемой...

— Давайте закроем эту тему, — предложил Бультман, — и не забывайте, что убийство Рудковской произошло в Москве и, несмотря на все усилия ваших купленных журналистов и адвокатов, раскрутить эту историю невозможно. Просто потому, что все свидетели и жертва находились в России, а нам туда не добраться. И вам туда путь заказан. Вот если бы подобное преступление произошло в Лондоне...

Жуковский взглянул на собеседника. Они понимали друг друга без слов, обмениваясь только взглядами. Это был как раз тот случай, когда никакие слова не могли заменить прямого общения. На протяжении следующих нескольких секунд они общались молча, словно опасаясь сказать лишнее. Только обмениваясь понимающими взглядами. И затем Бультман неожиданно спросил:

— Вы когда-нибудь слышали об организации «Щит и меч»?

Жуковский никогда не слышал об этой организации. Но он хотел всегда выглядеть достаточно компетентным во всем, что касалось его бывшей страны. И поэтому он с важным видом кивнул:

— Немного слышал. Между прочим, был такой известный фильм про советского разведчика.

И, насколько я помню, это был один из самых любимых фильмов нынешнего президента.

— Неужели? — даже удивился Бультман. — Мы этого не знали. Тогда это объясняет некоторые моменты их деятельности.

— Вам нужно чаще со мной встречаться, — скромно заметил Жуковский. Он был рад, что ему удалось провести даже такого ветерана спецслужб, как Питер Бультман.

Но последний был слишком опытным человеком, чтобы забыть о главной теме сегодняшнего разговора.

— Вы знаете, чем именно они занимаются? — поинтересовался Бультман.

Глеб Моисеевич насторожился. Он почувствовал ловушку. Сказать неправду — окончательно потерять лицо. Нужно признаться.

— Н-нет, — с некоторым усилием выдавил он, — я не был в курсе их последних дел.

Бультман улыбнулся. Он понял, что его собеседник блефовал. Но он давно знал мистера Жуковского, и его не удивило подобное поведение.

— Организация «Щит и меч» была создана в Москве ветеранами советских спецслужб, — пояснил Бультман. — Туда входят бывшие сотрудники КГБ и ГРУ, а также нынешние офицеры

спецслужб. Судя по их финансовым возможностям и прикрытию, в руководстве организации очень высокопоставленные и осведомленные лица. Их задача — розыск и наказание всех бывших офицеров советских и российских спецслужб, которые когда-либо эмигрировали в другие страны, перешли на службу в другие разведки или начали сотрудничать с иными спецслужбами.

— Они ищут предателей, — понял Жуковский.

Бультман покачал головой:

— Как сильно в вас сидит советский человек. Мы говорим, что они ищут людей, которые выбрали для себя свободу. Свободный мир, свободный образ жизни. Как и вы, мистер Жуковский.

— Конечно. Я понимаю, — быстро ответил Глеб Моисеевич, осознавший, что допустил ошибку, — и я с вами согласен. Но для сотрудников советских спецслужб они предатели. Советская пропаганда всегда подавала подобных людей как изменников Родины.

— Организация «Щит и меч» создала специальные боевые группы для ликвидации подобных людей, — пояснил Бультман, — они руководствуются вынесенными советскими судами приговорами, которые приводят в исполнение.

Слава богу, в России уже не выносят смертных приговоров, но это не мешает членам организации устранять и бывших российских сотрудников спецслужб.

— Какие мерзавцы, — сказал равнодушно Жуковский. — Это тоже порождение нынешней власти. Значит, они убивают людей без суда и следствия. Какое людоедство.

Бультман удивленно посмотрел на своего собеседника. Он прекрасно знал, что человека, с которым он разговаривал, обвиняли не только в политических интригах или экономических преступлениях. Но говорить об этом не следовало.

— У нас есть подробное досье, — продолжал Бультман. — Они убрали агента французской разведки Анри Борнара, убили несколько своих бывших сотрудников, среди которых были и лица, принявшие гражданство США.

— И вы не могли ничего сделать? — не поверил Жуковский. — Ни вы, ни ваши спецслужбы? Вы позволяли им безнаказанно убивать людей, которые перешли к вам и работали на вас?

— В Великобритании подобных случаев не было, — нахмурился Бультман. — Что касается американцев и французов, то, насколько я знаю, были попытки задержать членов организации

«Щит и меч». Несколько раз организовывались засады. Но каждый раз операции проваливались...

— Почему? — перебил его Жуковский. — Как это проваливались? Почему?

— Они использовали в своей деятельности бывших «ликвидаторов» или наиболее подготовленных сотрудников спецслужб, — пояснил Бультман, — а каждый из таких людей понимает, что не имеет права попадать живым в руки другой стороны. Если хотите, это введено в них на генном уровне. Поэтому в случае любой угрозы они скорее убивают себя, чем позволяют захватить. Сейчас двадцать первый век, и средневековые пытки огнем уже никого не пугают. Достаточно сделать один укол, чтобы человек рассказал все, что он знает и даже о чем он думал в последние несколько лет. Абсолютно все. И об этом знают обе стороны. Поэтому такие «специалисты» не сдаются в плен и не позволяют себя арестовывать. Они убивают себя, стреляя в голову, для надежности. Как горько пошутил один мой знакомый французский офицер, для того чтобы после вашей смерти голову не отрезали и не использовали в каких-нибудь экспериментах, чтобы прочистить мозги. И хотя до этого наша медицина еще не дошла, но профессионалы не сдаются, об этом все знают.

— Понятно. Они присылают своих убийц, а вы равнодушно наблюдаете, когда они сделают свое дело. Зачем вы мне это рассказали? Хотите использовать меня в качестве подсадной утки? Чтобы в Лондон приехали такие «специалисты», а вы бы на мне отработывали свое мастерство?

— У вас слишком буйная фантазия, мистер Жуковский, — заметил Бультман. — Я думаю, что вы не представляете интереса для подобной организации. Политические противники нынешнего режима их мало интересуют. Я даже рискну сказать, что они могут относиться к вам достаточно терпимо. В конце концов, нынешний режим — это все-таки порождение прежнего. А тот, прежний режим, который был в России с девяносто первого по девяносто девятый, они ненавидят изо всех сил.

— Будем считать, что вы меня убедили. Тогда зачем вы поведали мне эту страшную историю об убийцах, которые рыщут по всему миру? Для чего?

— Я думал, что мы понимаем друг друга, — на этот раз остановился Бультман. — У вас много знакомых из бывших спецслужб. Некоторые из них могут начать проявлять активность, чтобы привлечь к себе внимание своих бывших коллег. Вы представляете, как отреагирует здешняя прес-

са и наша общественность, если вдруг выяснится, что «длинные руки» российских спецслужб добрались и до Великобритании. Такая неприятная история. Нашим друзьям она понравится, мы заработаем лишние очки в противостоянии с русскими, наши заокеанские союзники будут просто в восторге, а вы получите нужные вам доказательства вины преступного режима.

Жуковский несколько озадаченно взглянул на своего собеседника. Он мгновенно просчитал все плюсы и минусы этого предложения. Но нельзя было спешить.

— Вы сказали, что нам не нужно останавливаться, — напомнил он, взяв Бультмана под руку. — И вы можете оказать мне нужную помощь? — поинтересовался он.

— Никакой помощи, — громко ответил Бультман. И значительно тише добавил: — Но мы сможем координировать наши усилия по защите наших друзей.

Жуковский все понял. Он кивнул, не выдавая своих чувств.

— Наши американские друзья передали нам, что организация «Щит и меч» готова к проведению акций в Великобритании, — сообщил Бультман, — и нас не может не тревожить это сообщение.

Жуковский молчал. Он внимательно слушал.

— Несколько месяцев назад в миланской больнице скончался Йозас Минкявичус, — очень тихо продолжал Бультман. — Он ушел к западным немцам еще в восемьдесят четвертом. Вы можете представить, сколько лет они его искали?

— Его убили?

— Мы подозреваем, что это убийство. Но пока не можем ничего доказать. Нужно разрешение итальянской прокуратуры на эксгумацию тела. И как только мы убедимся в том, что это было убийство, у нас появятся более конкретные доказательства.

— Я вас понимаю. — Жуковский оглянулся. Где-то на дороге слышались детские голоса. Двое ребят проходили мимо их машин. Мальчикам было лет по десять-двенадцать.

— Пойдемте обратно, — предложил Бультман. — Даже если это обычные дети и всего один шанс из миллиона, что их могли к нам подослать, то и тогда я не хочу давать нашим противникам этот единственный шанс. Подумайте над моими словами, господин Жуковский, а я подумаю над вашими. До свидания.

К машинам они выходили по одному, как заговорщики. На обратном пути Глеб Моисеевич

едва не сделал аварию, настолько его мысли были заняты разговором, который состоялся у него с полковником Питером Бультманом.

За полтора месяца до начала событий.
Москва

Он приехал домой в пятом часу вечера. Вошел в квартиру, огляделся. В последнее время он уже привык к тому, что здесь всегда был определенный порядок. Сказывалась женская рука, которой не было целых пятнадцать лет. Именно пятнадцать лет назад он развелся со своей супругой, которая вместе с сыном переехала в другую квартиру, к своей матери. И он остался один. Бывший полковник КГБ, а затем Федеральной службы безопасности России Тимур Караев.

Ему шел уже пятьдесят седьмой год. И несколько месяцев назад он встретил Элину. Он даже не верил, что подобное может с ним случиться в таком возрасте. Но и она была далеко не девочкой. Ей было за сорок, когда они познакомились. У обоих был опыт неудачных первых браков. Она успела развестись, и у нее был сын примерно такого же возраста, как у Тимура. Мальчишки успели познакомиться и довольно неплохо относились друг к другу. Элина организовала в Москве свою

дизайнерскую фирму, которая довольно успешно развивалась. У нее была квартира в Москве, но она довольно часто оставалась у Тимура. Оба испытывали одинаковые чувства внезапно вспыхнувшей любви, когда осознаешь, что наконец встретил человека, которого искал или ждал всю свою жизнь.

Он прошел на кухню, включил электрический чайник, чтобы сделать себе чай. И услышал, как она пытается открыть дверь. У нее была своя пара ключей. Тимур прислушался. Она вошла в квартиру и, очевидно, увидев его плащ, поняла, что он уже дома. Или поняла это раньше, когда открывала дверь, увидев, что верхний замок уже открыт. Элина повесила свой плащ, надела тапочки и прошла на кухню.

— Добрый вечер. — Она села напротив, даже не поцеловав его. Это удивило Тимура. Обычно она чмокала его в щеку, входя в квартиру. Он понял по ее виду, что произошло нечто неожиданное. Она была явно взволнована.

— Что случилось? — немного устало спросил Караев. — Ты сегодня не в духе?

— Не знаю. Возможно, что и так. Даже не понимаю, что со мной происходит. Мне кажется, я превращаюсь в истеричку. Не знаю, — снова повторила она.

— Успокойся, — посоветовал Тимур. — Объясни мне, что случилось?

— Мне позвонили из Италии, — тяжело вздохнула Элина. — Ты помнишь Линду? Мою знакомую, с которой мы встречались, когда были во Флоренции несколько месяцев назад. Ты еще тогда вдруг получил свой неожиданный отпуск. Помнишь?

— Конечно, помню. Это был наш первый совместный отпуск. А почему ты спрашиваешь?

— Она в больнице, — сообщила Элина, глядя ему в глаза. — Врачи подозревают у нее ту же болезнь, которая убила ее мужа. Ты помнишь ее супруга?

— Не совсем. — Он начал понимать, почему она в таком состоянии и чему посвящен этот импровизированный допрос.

— Ты его должен помнить, — упрямо произнесла Элина, — вы еще с ним так долго общались, спорили, разговаривали. А после нашего совместного ужина он вдруг начал болеть. Серьезно болеть, Тимур. Он никогда до этого не болел. У него было такое хорошее здоровье. Они ходили в горы вместе с Линдой. А потом он вдруг заболел, и его отвезли в больницу. Через две недели он умер. Умер от неожиданно появившейся онкологии.

Ровно через две недели, Тимур, после того как они пообедали с нами. Такое странное и непонятное совпадение. А сейчас выяснилось, что заболела и его жена, моя знакомая Линда. Опять непонятное совпадение. Почему она вдруг заболела? Ведь онкология не заразна, это уже доказано. Почему она вдруг заболела такой же гадостью, как и ее бывший муж? Ты не знаешь?

— Сейчас существуют новые теории о том, что все болезни имеют вирусное происхождение, — негромко ответил Тимур, избегая смотреть ей в глаза, — даже язва или онкология. Никто не знает...

— Не нужно считать меня идиоткой, — резко прервала его Элина.

Он удивленно посмотрел на нее. Очевидно, внезапная болезнь Линды ее действительно испугала и встревожила. Она никогда так с ним не разговаривала.

Видимо, она чувствует его состояние. Это плохо. Очень плохо. Он не сумел ее обмануть. А может, он и не пытался ее обмануть?

— Зачем мы поехали в Италию? — Этого вопроса он боялся уже несколько недель, после того как они вернулись с Апеннинского полуострова. — Скажи мне правду, Тимур. Я до сих пор не знаю, чем именно ты занимаешься в своей Акаде-

мии ФСБ. Ты говоришь, что преподаешь. Но тогда почему в начале лета тебе дали такой неожиданный отпуск, ведь во всех учебных вузах в это время начинаются экзамены? И мы поехали именно в тот город, где жила моя знакомая. И именно там мы с ними встретились. Я все узнала. Мы разговаривали с Джулианеллой. Ты ведь наверняка знал, что Минкявичус был бывшим офицером КГБ, как и ты. Я тогда спросила тебя: может, вы раньше с ним встречались? И ты уверял меня, что ничего о нем не знал. При этом ты врал всем, что являешься преподавателем истории, и не разрешал мне сообщать, кем ты работал всю свою жизнь.

— А ты полагаешь, что нужно сообщать об этом всем твоим знакомым? — спросил Караев. — По-моему, и так понятно, что эти сведения никому не интересны.

— Они интересны мне, — тихо сказала Элина, — ты, очевидно, не понял. Линда тоже попала в больницу. И я боюсь, что она не выживет. Врачи считают, что она получила сильную дозу облучения, как будто была несколько часов под рентгеном. Но она нигде и никогда не облучалась. Что происходит, Тимур? Ты можешь мне что-то объяснить?

— Я не знаю, — ответил он, наконец посмотрев ей в глаза. Ему всегда так нравились ее краси-

вые миндалевидные глаза. — И мне действительно очень жаль Линду. Очень жаль.

— Ты не имеешь к этому никакого отношения? Ответь мне предельно честно. Я должна все знать.

— Абсолютно никакого отношения. Зачем мне нужно было убивать твою подругу? Ну откуда такие страшные предположения? Во имя чего? И как я мог ее облучить? Носил с собой рентгеновский аппарат? Тогда почему я сам еще жив? Ты же была там все время со мной. Неужели ты ничего не помнишь?

— Я помню, — вздохнула Элина, — но такие невероятные совпадения...

— Иногда случаются. — Он поднялся, чтобы приготовить ей кофе.

— Тимур. — Он стоял к ней спиной и почувствовал, что именно она ему скажет. Поэтому он напрыгся, но не повернулся в ее сторону.

— Что? — спросил он.

— Ты меня извини, — сказала Элина, — конечно, все это глупости. Я, когда узнала о ее болезни, потеряла всякий контроль над собой. В голову полезла всякая чушь.

Он знал, как она права и не права. Формально он не был причастен к этому убийству. Он действительно не имел прямого отношения к смерти

Минкявичуса и болезни его жены. Но по большому счету любой независимый суд признал бы его виновным. Ведь, используя связи Элины, он выехал во Флоренцию, чтобы найти Минкявичуса и подобраться к нему достаточно близко. Найти бывшего офицера Первого главного управления КГБ СССР, который ушел к западным немцам в восемьдесят четвертом и сдал нескольких своих товарищей. Приговор ему был вынесен еще советским судом, и с этой точки зрения совесть у Тимура Караева была чиста. Он всего лишь помогал исполнить решение суда и покарать предателя. С точки зрения российских законов и своей совести он не сделал ничего предосудительного. Но с точки зрения любого европейского суда он был виновен в том, что вышел на Минкявичуса и помог его убийцам привести приговор в исполнение.

И с совестью тоже были определенные проблемы. Ведь он обманывал любимую женщину, используя ее в качестве своеобразной приманки. Но об этом он не хотел даже думать. Налив ей кофе, он обернулся к Элине. Поставил чашечку на стол.

— Я даже не знаю, что тебе сказать, — почти искренне ответил Караев. — Мне так жаль...

— Спасибо за кофе, — вздохнула она. — Я, ка-

жется, глупо сорвалась. Может, мне лучше сегодня уехать к себе? Я, наверное, еще не разобралась в собственных чувствах.

— Не нужно, — попросил он. — Я думаю, тебе лучше остаться. Нам нужно быть вместе. Именно в таких случаях.

Он подошел к ней, и она поднялась. Тимур обнял ее, чувствуя себя почти мерзавцем. Но даже думать об этом не хотелось. Он бережно прижал к себе женщину.

«Будь они все прокляты», — подумал он. И было непонятно, кого он имел в виду. Предателя Минкявичуса и ему подобных, своих бывших коллег по работе или членов своей новой организации. А может, всех вместе. Всех шпионов, которые так и не хотели возвращаться с холода, полагая, что холодная война, состояние вечного противостояния различных государств — это навечно. И иногда Караеву казалось, что они правы.

За месяц до начала событий.
Москва

Председатель Государственной технической комиссии генерал армии Иван Сергеевич Большаков находился в своем кабинете, когда раздался телефонный звонок. Большаков удивленно взгля-